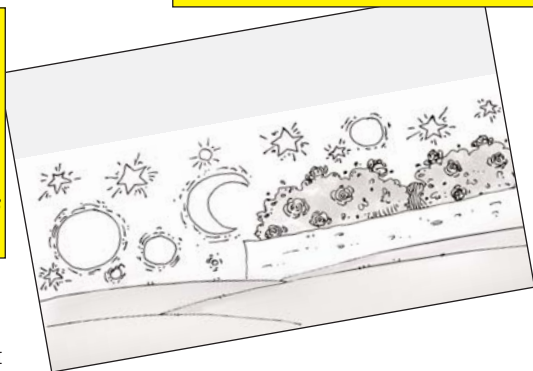

Владимир Маяковский как детский поэт

В.А. Карпов

Будучи уже зрелым человеком и первым поэтом своей страны, Владимир Маяковский написал автобиографию. Назвал он её очень просто – «Я сам». Получилось настоящее художественное произведение, которое в то же время точно отражает факты реальной жизни Маяковского. Уже в самом начале – программное заявление: «Я – поэт. Этим и интересен». Попробуем проследить, как же сформировался столь разноплановый талант В. Маяковского, реализовавшего себя во многих видах литературного искусства, в том числе – в детской поэзии.

Владимир Владимирович Маяковский родился в грузинском селе Багдади в июле 1893 г. и происходил из обедневшего дворянского рода. Небедное детство среди бедных крестьянских ребятишек, ранняя смерть отца, а главное – обострённое чувство социальной справедливости стали причиной того, что Маяковский уже в юном возрасте проникся революционными идеями. Ещё живя в Грузии, он примкнул к партии большевиков, участвовал в митингах и демонстрациях, посещал марксистский кружок. После смерти отца семья переехала в Москву, где Маяковский также нашёл знакомую среду, включился в политическую работу и в 1908 г. он, четырнадцатилетний, вступил в РСДРП (Российскую социал-демократическую партию). Осуждённый за организацию побега политических заключённых, Маяковский провёл в тюрьме полгода. В это время он много читал и тогда же, вероятно, осознал всю глубину своей необразованности (но и потом, до конца жизни, писал с чудовищными ошибками); начал пробовать себя в

поэзии. Освободившись из тюрьмы в январе 1910 г., Маяковский принимает ещё одно важное для себя решение: он выходит из партии большевиков, так как решает посвятить себя искусству. Можно утверждать, что от идей коммунизма Владимир Маяковский никогда не отказывался и, не будучи коммунистом формально, был коммунистом по убеждению. Не случайно в своём последнем значительном произведении, поэме «Во весь голос», он скажет: «Я подниму, как большевистский партбилет, / Все сто томов моих партийных книжек». Он учится в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, где осенью 1911 г. знакомится с экстравагантным художником и поэтом-авангардистом Давидом Бурлюком (1882–1967), который первым заметил и поощрил молодое поэтическое дарование.

Бурлюк вводит Маяковского в круг поэтов и художников, основавших в те годы стремительно набиравшее вес литературное течение футуризма (от лат. futurum – будущее), характеризовавшееся яростным неприятием классической культуры. Общеизвестно эпатажное заявление из их манифеста «Пощёчина общественному вкусу» (1912): «Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности».

Русский футуризм – течение бунтарское, с явным уклоном в экстремизм, антиэстетизм, стремление к

эксперименту, характеризующееся полным отрицанием культурных традиций. Ориентированный, как и его товарищи, на протест, эпатаж, конкуренцию прежде всего с утончённым символизмом, Маяковский старается ввести в поэзию тематику и язык улицы: «А там, под вывеской, где сельди из Керчи – / сбитый старикашка шарил очки / и заплакал, когда в вечернем смерче / трамвай с разбега взметнул зрачки. / В дырах небоскрёбов, где горела руда / и железо поездов громоздило лаз – / крикнул аэроплан и упал туда, / где у раненого солнца вытекал глаз» («Адище города», 1913).

С самого начала творческого пути обозначились основные принципы поэта – склонность к обильному употреблению ошарашивающих своей новизной и неожиданностью метафор («Телеграфным столбом по нервам», – сказал М. Горький об этой особенности Маяковского), к гиперболе и гротеску, определённости чувств, не знавших полутонов (*громеда любовь, громеда ненависть*). Важнейшими для молодого поэта становятся проблемы тех, кого в России принято называть униженными и оскорблёнными. Огромны сочувствие лирического героя социальным низам и его гнев против любого проявления равнодушия и несправедливости. Потрясённый глубиной человеческих страданий, он восстаёт против самого Бога (поэма «Облако в штанах»).

Октябрьский переворот 1917 г. застал Маяковского в Петрограде. Это событие он встретил восторженно. В автобиографии поэт напишет: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция». Ведь большевики обещали исполнить все самые заветные мечты молодого поэта: покончить с угнетением и несправедливостью, построить рай на земле для истинно трудящегося человека. Обострённое чувство протеста и неистощимое остроумие Маяковского стали очень востребованными: он с первых же дней новой власти поставил себя ей на службу. С гордостью вспо-

минал, какой популярностью у восставших пользовался его экспромт «Ешь ананасы, рябчиков жуй, / День твой последний приходит, буржуй!».

Владимир Маяковский, с его огромным талантом и кипучим темпераментом, не отказывался ни от какой работы: сотрудничал во множестве газет, оперативно откликался стихами на все мало-мальски значимые события, много выступал публично, ездил по стране и за рубеж. Ему очень нравилось быть «в нашей буче, боевой и кипучей», с гордостью называть себя «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный».

Трудно перечислить направления в искусстве, в которых он оставил след в период советской власти. Сознательно рассматривая себя как рабочего-строителя нового мира, Маяковский пришёл к идее писать стихи для детей – граждан этой светлой будущей страны. Коллега В. Маяковского, замечательный детский писатель С.Я. Маршак верно подметил: «Он писал не для того, чтобы его стихами любовались, а для того, чтобы стихи работали, врывались в жизнь, переделывали её». Другими словами, Маяковский на первый план в своей детской поэзии выдвигал именно **дидактический элемент**, стремясь целенаправленно сформировать мировоззрение маленького советского человека.

Вот стихотворение для младшего дошкольного возраста, когда детьми ещё не воспринимается социально-политическая проблематика, – «Что такое хорошо и что такое плохо?» (1925). В нём автор предельно доходчиво разъясняет маленькому ребёнку суть основных положительных и отрицательных человеческих качеств, прибегая к несложным антитезам. Конечно, перечень описанных качеств нельзя назвать исчерпывающим: опрятность – неопрятность, агрессивность – милосердие, трудолюбие – лень, храбрость – трусость, однако для адресной аудитории актуальны именно они. Любитель неожиданных метафор и неточных рифм, в этих стихах для самых

маленьких Маяковский тщательно отбирает выразительные средства: избегает характерных для него резких выражений, деликатно употребляет разговорные *рожица*, *свинёнок*. Тем не менее примечательно, что ребёнок даже такого возраста автор настраивает на то, что высший моральный суд – не Бог и не внутреннее убеждение, а определённый коллектив: «...октябрята говорят: / плоховатый мальчик».

Выросший в кругу людей трудолюбивых, Владимир Маяковский и сам был неутомимым тружеником, уважал людей труда и терпеть не мог бездельников. Проблеме выбора трудового пути и, в более общем виде, воспитанию трудолюбия он посвятил несколько стихотворений. Так, «Конь-огонь» (1927) подробно излагает процесс изготовления простой вещицы – игрушечной лошадки. Однако в небольшом по объёму произведении с огромным уважением говорится о труде кузнеца, столяра, щетинщика, художника-дизайнера. Поэт, ценивший в быту добротные вещи, даёт понять, что в их изготовление вложено самое ценное – труд, и поэтому относиться к вещам нужно бережно.

Мирному и такому важному труду посвящено стихотворение «Эта книжечка моя про моря и про маяк» (1926). Работа моряков и, в особенности, смотрителя маяка, описана с большой теплотой и любовью: «Труд большой рабочему – / Простоять всю ночь ему. / Чтобы пламя не погасло, / Подливает в лампу масло. / И чистит исключительное / Стекло увеличительное». В финале – уместное поучение морального характера: «Кличет книжечка моя: /– Дети, будьте, как маяк! / Всем, кто ночью плыть не могут, / освещая огнём дорогу». Учитывая немалое увеличившийся возраст аудитории, автор в произведении уже осторожно уменьшает точность рифмы (*бинокль – не мог, ухайте – бухте* и пр.), однако общая картина мира не искажается авторской фантазией.

Растёт читатель – расширяется круг занимающих его вопросов. И вот он уже задумывается –

«Кем быть?» (1928). Герой стихотворения со свойственным юному возрасту увлечением перебирает профессии. Работа плотника предстаёт не только нужной, но даже праздничной: «Хороши стружки – жёлтые игрушки!». Но ещё привлекательнее профессия инженера-строителя: ведь результат его творческого труда – «здание славное, живое словно». Здесь проглядывает и сосредоточенность поэта-урбаниста на городских реалиях, и то же любовное отношение к мастеру своего дела. Точно подмечена автором некоторая хаотичность детского мышления: герой довольно увлеченно перескакивает с одного увлечения на другое: оставив мысли о карьере инженера, он находит интересной работу врача, а затем – рабочего на большом заводе. Впрочем, беспорядочность в этой последовательности – кажущаяся: если врач имеет власть над живой природой, то рабочий уверенно властвует над неживой. Мысль ребёнка далее движется, подчиняясь закономерности «быстрее – выше – дальше», – кондуктор в трамвае, шофёр, лётчик, моряк. Маяковский при этом включает виртуозное владение ритмикой и фоникой: «Там – / дым, / здесь – / гром. / Гро- / мим / весь / дом».

Так автор властно диктует сам способ восприятия и манеру исполнения стихотворения. Юный читатель должен запомнить страстный рефрен «Пусть меня научат!» и, конечно, логично вытекающую из текста мораль: «Все работы хороши, выбирай на вкус!».

Маяковский был остроумцем, это отмечают решительно все, кто с ним общался. Его остроумие было несколько тяжеловесным, но всегда язвительным, что отразилось во множестве сатирических произведений. Такова «История Власа – лентяя и лоботряса» (1926) – сатирический плакат, каких поэт создал огромное количество, только этот – для детей. Его герой Влас Прогулкин неорганизован, невнимателен, ленив, не соблюдает режим дня, склонен ко лжи и развлечениям вместо труда («Сыграну-ка я в монету!») / Проиграв один

пятак / Не оставил дела так... / Словом, не заметил сам, / как промчались три часа). И вот уже взрослый Влас, неграмотный и ленивый, изгнан с должности чернорабочего и валяется, пьяный, под забором. Кто-то может сказать, что жизненные реалии здесь предельно спрямлены, но ведь на то и жанр плаката, основные черты которого – максимальная доходчивость и максимальная степень воздействия. К тому же логическая цепочка «лентяй – безработный – нищий – пьяный бомж» вполне соответствует действительности. Вывод из прочитанного подан в открытой форме: «Вооружись учебником-книгой! / С детства мозги развивай и двигай! / Помни про школу – только с ней / станешь строителем радостных дней!».

Маяковский был поэтом социологизированным и политизированным. Владея поэтическим даром, он использовал его как инструмент активной политической агитации и пропаганды. Это он выкрикнул знаменитое «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!». Социально-политическая агитация и сатира, по его представлениям, – формы, вполне пригодные для детей. Так, даже описание невинной прогулки Вани с няней в стихотворении «Гуляем» (1925) оборачивается политическим ликбезом для ребёнка младшего возраста. Снова наглядная антитеза: кошечка умывается – она хорошая, а вот «Собака бывает разная. / Эта собака нехорошая, грязная». Так же и люди – разные. Вот верующие, конечно старухи. В сознание ребёнка внедряется нехитрый вирус: «Сделали картинку, назвали "бог" / и ждут, чтоб этот бог помог. / Глупые тоже – картинка им никак не поможет». Другое дело – «Это – дом комсомольцев. / Они умные: никогда не молятся». Стихотворение написано в разгар недолгого НЭПа, когда государство разрешило мелкое предпринимательство, поднявшее страну с колен. Но то же государство большевиков поступало с предпринимателями подло, поощряя в массовом сознании ненависть против них.

Одним из самых злобных голо-

сов в этом хоре был голос Владимира Маяковского, человека, который, кстати, любя комфорт, с удовольствием пользовался плодами НЭПа: «Это буржуй. На пузо глядь. / Его занятие – есть и гулять. / От жиру – как мяч тугой. / Любит, чтоб за него работал другой. / Он ничего не умеет, / И воробей его умнее». Естественно, в такой системе координат нужно уважать рабочего, крестьянина, а также няню (не даму!) в ситцевом платочке. Стихотворение даже чисто психологически эффективно, как «мы – не рабы».

Советская власть благоволила своему верному стороннику и отпускала его за границу, в отличие от почти всех остальных советских граждан, перед которыми большевики заботливо укрепили железный занавес. Возвращаясь из-за границы, Маяковский привозил очередную порцию разоблачающих Запад стихотворений. Достаточно вспомнить хрестоматийные «Стихи о советском паспорте» (1929), в которых лирический герой испытывает чувство радости и гордости от того, что его как гражданина СССР ненавидят за границей.

О загранице поэт писал и для детей. Вот типично советский урок географии: стихотворение «Прочти и катай в Париж и Китай» (1927). Что же нужно знать советскому ребёнку, например, о блистательной Франции? Немного: «Куда б в Париже ни пошёл, / картину видишь ту же: / живёт богатый хорошо, / а бедный – много хуже. / Среди Парижа – башня / высокая страшно». В Америке, конечно, высоченные дома, а на автомобилях ездят, как нетрудно догадаться, богатые. В Китае, если смотреть на него глазами Маяковского, – просто кошмар: «На людях мы катаемся привыкли. / Китайцев таких называем "рикши". / В рабочих привыкли всаживать пули. / Рабочих таких называем "күли"». И, конечно, не обходится без пролетарского интернационализма: «Мальчик китайский русскому рад. / Встречает нас, как брата брат. / Мы не грабители – / мы их не обидели». Понятие о шарообразной форме планеты, вводимое

автором в конце стихотворения, не должно вводить нас в заблуждение: главный смысл стихотворения – политический.

Общий жизненный тонус, который прививал своим юным читателям Владимир Маяковский, – оптимистический и энергичный. В этом ключе написан ряд его патриотических стихотворений. Так, упругим ритмом марша пронизано стихотворение «Возьмём винтовки новые» (1927) – если вдуматься, вполне естественный призыв писателя-патриота крепить обороноспособность страны. Как марш звучит и «Майская песенка» (1928) – идёт по улице пионерский отряд. Поэт умело создаёт ощущение праздника: *раздолье чистенькое; молодое и весело; улица рада, весной умытая*. Как откровенно агитационная создана «Песня-молния» (1929): «Вперёд, отряды сжатые, / по ленинской тропе! / У нас один вожатый – товарищ ВКП».

В сатире Маяковский всегда старался писать как можно обиднее, причём он всегда смотрел на критикуемое явление извне, со стороны («это они такие плохие, а мы – хорошие»), тогда как большинство русских сатириков избирали другой взгляд – изнутри («мы все оставляем желать лучшего»). К вершинам классового гнева Маяковский поднимается в стихотворении «Сказка о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий» (1925). И опять плакатная антитеза: мальчик из «буржуют» резко противопоставляется ребёнку из пролетарской семьи. Уже в первой главе сказки автор, прибегая к резким гиперболам, рисует портрет семьи нэпмана. Отец семейства – «Очень толстый, очень лысый, / злее самой злоющей крысы. / В лавке сластью торговал, / даром сласти не давал» (почему вдруг предприниматель что-то должен давать даром – даже не обсуждается). Где поэт видел неопрятного богача – загадка, но в его стихотворении это выглядит так: «Петя взял варенье в вазе, / прямо в вазу мордой лазит. / Грязен он, по моему, как ведро с помоями... / Дрянь и Петя и родители: / об-

щий вид их отвратителен. / Ясно даже и ежу – / этот Петя был буржуй». И если Петя и его семья действительно выглядят отвратительно, душа читателя радуется, глядя на пролетарское семейство Симы: в них поистине всё прекрасно. Отец мальчика – рабочий, у него золотые руки («Симин папа всех умнее, / всё на свете он умеет»), сын не отстаёт от отца. Они в высшей степени чистоплотны («Сима чистый, чище мыла»). В отличие от буржуев, они соблюдают здоровый режим дня; их пищевыми пристрастиями можно иллюстрировать пособия по здоровому образу жизни («Кашу съев да щи с краюшкой, / пьют чай цветастой кружкой»). Далее Маяковский вводит в свою сказку прямо-таки житийный элемент: «Птицы с песней пролетали, / пели: "Сима – пролетарий!"». Правда, ослеплённый сильными чувствами, автор делает несколько интересных оговорок. Первая: «У рабочих денег нету. / Симе в редкость есть конфету». Как же так: уже почти десять лет у власти борцы за народное счастье, а этот самый народ – на грани нищеты? И вторая, в той же главе: «Красную надев звезду, / Сима всех сумел бы вздуть!». А это уже органично для большевиков пренебрежение законностью и правопорядком, заменяемыми «классовой принадлежностью», «классовым чутьём» и т.п. В дальнейшем сюжет сказки предельно обостряется. Петя «жадно лопал сладкий пончик» (следует тошнотворная картина) и обидел голодного щенка. В ответ на жалобы собачонки приходит многочисленная звериная помощь, от которой Петя спасается бегством. Попутно этот малопривлекательный персонаж получает массу самых отрицательных характеристик – как от животных, так и от милиционера: *злюка, гадюка, жадаба, дрянный мальчик, мальчишка гадкий, образина* и, как венец авторской изобретательности, – «Суший яд – дети этих буржуют!». Петя, будучи запечатанным в конверт и отправленным по почте, попадает в магазин (?!). Запертый в помещении, он сначала съедает все продукты, а затем –

«Пузу отдыха не дав, / вгрызся он в железный шкаф». В русской литературе гротеск такого накала встречается разве что в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но Маяковский не останавливается на достигнутом. Отряд октябрат под водительством Симы отправляется на пикник, но оказывается, что даже непритворный обед из печёной картошки нельзя сдобрить солью. Чудесное спасение приходит в прямом смысле свыше: обжора Петя с грохотом лопается, и на землю проливается поток непереваренных деликатесов из его брюха, кои продукты и поедают радостно октябраты. Трудно давать комментарий картине, автору которой изменяют чувство меры и элементарного вкуса. Добавим только, что подобного рода произведения на сегодняшний день представляют прямую угрозу нравственному и психическому здоровью ребёнка, так как проповедают очень опасную идею социального расизма.

Творчество Маяковского для детей не могло не повлиять на дальнейшее развитие советской детской литературы, так как заказ на произведения, проникнутые патриотизмом, открыто проповедующие идеи коммунизма, не ослабевал. К сожалению, боль-

шинство детских стихотворений Маяковского, в силу их открытой тенденциозности, сегодня использовать в работе с детьми просто нельзя (за исключением нескольких, вроде произведения «Конь-огонь» или «Кем быть?»). Остальные же – литературные памятники эпохи.

Литература

1. Михайлов, Ал. Маяковский / Ал. Михайлов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – (Серия «ЖЗЛ»).
2. Михайлов, Ал. Точка пули в конце / Ал. Михайлов. – М. : Планета, 1993.
3. Карабчиевский, Ю. Воскресение Маяковского / Ю. Карабчиевский. – М. : Сов. писатель, 1990.
4. Сарнов, Б. Маяковский : Самоубийство / Б. Сарнов. – М. : Эксмо, 2006.

Владимир Анатольевич Карнов – канд. филол. наук, доцент факультета начального образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга.